

...Пришед в Сибирскую землю... татарове же сего убояшася русских вой много пришествия, избегоша от града своего, иде же прежде сего быть в Сибири татарский их городок стольный усть Тобола и Иртыша иже именуемый Сибирь, оставиша его пуста. Рустии же вои придоша и седоша в нём и утвердивше град крепко, иде же бо ныне именуемый Богоспасаемый град Тоболеск.

(Из Есиповской летописи)

Много на Руси, а особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, мест удивительных, овеянных легендами, напитанных древностию до какой-то сказочной недоступности, конечно кажущейся, но и справедливой, поскольку до каждого такого места надо дорасти и дотрудиться. И до поры живёшь без него, пока не одарит Божья воля силой, пока вдруг неумолимо не подойдёт решение, завораживая, маня, и не развернёт жизнь на несусветный какой-то градус... И уже непонятно, как можно было существовать таким обездоленным, спокойно дышать, ходить, спать, пока далёкий город, река, урочище существуют где-то там таинственно и полно... Но без меня.

Зима. Сибирь. Дорога. Ночёвка в дальнoбойном заезде двoре на федеральной трассе. Раннее сине-чёрное утро. Свет фар на накатанном и сахарном снежном полотне, выезд на промороженный асфальт. Жар печки. Голос Василия Вялкова, музыканта из Турочака, который всегда с нами. Песня омича Владимира Вoрожко «Лодочка»:

*Ой попутным ветерко-о-ом
Тихо лодочка плывё-от,
А на лодочке казачок
Песню вольную поё-от...*

.....
*На Чувашевом мысу-у-у
потерял свово дружка-а-а...
Тихо лодочка плывё-ёт,
Грустно льётся песенка-а...*

Вялкова мы слушаем всё время, его музыка будто озвучивает то, что проплывает за окном, наполняет новым объединяющим смыслом.

На Чувашском мысу произошёл бой Ермака Тимофеевича с войском хана Кучума.

В Тобольске мы никогда не были. Тобольск с 1590 года стал разрядным городом и центром освоения Сибири. Как написано в справочниках, по преданию город был основан в праздник Святой Троицы недалеко от места, возле которого высадились воины Ермака во время знаменитой битвы на Чувашском мысу, решившей вопрос о присоединении Сибирского ханства к России. Первой городской постройкой стала Троицкая церковь, а мыс был назван Троицким.

Бывает, представляешь пространство, куда держишь путь, по рассказам, картинам да фотографиям, и оно в душе разрастается огромно и былинно, а на поверку оказывается будничнее, трезвее, тише и будто учит нас этой сирости, умению узреть глубину под неяркой оболочкой. И вот крепишь силой любви это серенькое, неброское, несёшь дальше в жизнь в его сирости, жалея и

сострада, и то умиляясь сам себе, а то и устыдившись умиления и запутавшись сам в себе, в своём мудрствовании.

И вот Тобольск... Сколь раз глядел в его сторону с востока, с гористой таёжной выси, с заенисейской дали, чуя его примерно и снисходительно, особо и не различая, не расплетая речных завязей и слияний... Зная, что да, есть заповедно-летописный город где-то там, в стороне от Транссиба, между Камнем-Уралом и Обью затерявшийся на извилистых речках, в болотистой кедровой плоскотине... И что живёт там Аркадий Григорьевич Елфимов, знаменитый издатель и собиратель Русского мира, хранитель города. К нему и лежала наша дорога.

Далеко на востоке остались Красноярск и Новосибирск... Ночуем в деревне неподалёку от Ялуторовска. Наш путеводзь Сергей Васильевич, приняв нас под свой надзор на тюменской земле, завёз на постой к своему старинному товарищу, пенсионеру и специалисту по берёзовым веникам, заготавливающему ежелетно их тысячу на продажу в Тюмень. Напарившись с ночи в бане, идя хрустким снежным двором в избу, гляжу на звёздное морозное небо, обещающее ясное утро. И переживаю, выстоит ли яснец, не замутит хмарью наш въезд в стольный град Тобольск.

Но не стал Господь пытаться нас непогодой, тусклым взором слабеющих звёзд, серым налётом западного ветра, сеевом снега в ветровое стекло, мокрой черканиной дворников...

Ясно морозное утро. Подъезжаем и видим по-над яром дивный белый кремль. Освещённый косым зимним солнцем, налитой нежным варенцом крепнущих лучей, он стоял в морозце, будто медный, и впечатанный, как герб, в серебряную заиндевелую округу, ещё отходящую от ночи. Словно Господь Бог дарил образ раз и навсегда, пытая взор на крепость, а душу на выносливость, на ту же медность, печатность, способность додержаться чеканку, не уронить силы и ясности.

«На Чувашевом мысу-у-у...»

Тобольск относительно небольшой (около ста тысяч населения) город, в котором эта некрупность только подчёркивает штучность, значимость. Плотность и концентрация прошлого здесь

небывалая и какая-то ненатуральная. Дух места явственен. Плотно и творожно-свежо глядят известкой белёные стены. Многие памятники восстановлены, но ещё множество нуждается в возрождении.

С Аркадием Елфимовым я был знаком заочно и телефонно и, конечно, много о нём слышал. Масштаб его заслуг перед Отечеством представлял, но тоже издали, обобщённо, что да, есть такой знаменитый издатель, радеющий о культурном наследии, выпускающий богато книги и руководящий «Фондом возрождения Тобольска». Но одно дело представлять, а другое – увидеть.

Аркадий каждым движением своей жизни, её воздухом, даже просто своим видом – созидает, продолжает образ старинного купца – собирателя Русской земли. Это касается всего: и его дома, где каждая картина, каждый завиток на письменном столе дышит обращением к истории, ходом жизни от прошлого к будущему и служит этому ходу сдержанно и собранно, как и сам хозяин. Вот он на одном из портретов – в бородке на этот раз, чуть задумчивый, далёкий какой-то, сумрачный, отрешённый и уходящий, уводящий и нас в сумрак времён, в старинную даль, где уже нет ни имени и ни личности, а лишь преемственность и память. Слово говорит этот обобщающе знакомый портрет: жизнь прошла, а созданное осталось. Вот в этой отрешённости и обобщённости, возможно, и есть загадка Елфимова, созидательный мир которого настолько говорящ сам по себе и настолько работает на многовековое, что давно уже отделился от своего автора, и тот существует близь него ненавязчивой тенью, его малой, естественной и сдержанной частью, давно не принадлежащей себе.

Аркадий Елфимов создал из своей судьбы поступок, который многократно перекрыл, перевесил личное, человеческое, деловое, эгоистическое, и мы, с благодарностью глядя на изданные им книги или заложенный парк, чувствуем, что это лишь закрайки, надводные части того огромного и нематериального, что делает человека принадлежащим тайне истории уже при жизни. Это то, с чем покидая дорогое такое место, ещё долго пытаешься осознать увиденное, услышанное и пережитое. Именно оно даёт

небывалые силы на созидание и служение Отечеству, в котором мы ещё вчера казались себе такими бессильно одинокими.

Образ... Как ни пытаюсь обойтись без этого слова – не выходит. Один издатель сказал, глядя на дорогие и прихотливо оформленные фолианты, изданные Елфимовым, что, мол, я бы на эти деньги сотни тысяч дешёвых книг издал. Ну издал бы. И добавил свое суетное слово в брошюру времени, в нынешнюю литературную макулатуру, несметные дяляческие тиражи на газетной бумаге, унижающие книгу по содержанию и внутреннему, и внешнему. Яркие снаружи и рыхлые внутри книжонки, жалко-одноразовые и бросаемые в придорожных уборных...

А Аркадий Елфимов вопреки всему возродил и терпеливо несёт образ книги как драгоценности, реликвии и свидетельства, чего-то именного, отмеченного клеймом личного, сокровенного и ответственного, как картина или оружейный ствол.

Конец февраля в Сибири. Зима, а мы сажаем дерево в парке у Аркадия Григорьевича. Здесь уже много деревьев, и одно из них посажено недавно ушедшим от нас Валентином Григорьевичем Распутиным. И настолько ещё зияет пустота от его ухода, что кажется, и наше дерево тоже связано с ним, тоже будет посажено в его память. Солнце. Кругом сияет снег. Просторная лунка для саженца. На срезе от лопаты грань, плоть земли – уже на удивление талая, искристая, влажная и живая. И готовая принять и вырастить, выкормить наше дерево памяти. И эта неожиданная готовность земли к поддержанию жизни, к умножению и продолжению – как урок и как требование, как напоминание, какое духовное богатство нам завещано и сколь неотвратима кара за нерадение.

Заканчивается наше пребывание в Тобольске. Темнеет и надвигается зимний и предвесенний вечер, бежит асфальт под белый капот и отгорает, удаляется город-символ, город-герб, навсегда отпечатавшись в душе и догорая там, дозревая и достывая.

Как часто недоглядываем настоящее, ещё недочеканенное, недостывшее, недодержанное оптикой дистанции. И всё ждём, пока затуманится, удалится, чтоб уже, держа на отлёте, взглянуть

осмысленно на отступившее близкое, и маемся этой близостью, стыдясь в ней личной привязи. И всё любимемся прошлым, что с годами набирает притягательности, сквозь завесу лет выглядя всё затёртей и дороже, и этот тусклый и драгоценный блеск почти в прелесть уводит очарованные души.

В том и пожизненное чудо Тобольска, что неисповедимым образом прошлое происходит здесь сегодня и среди бела дня. И переходя в будущее, явью стоит пред очами, даруя настоящее. Это и есть неделимость русского времени, слияние смыслов. Будто драгоценный нимб вечной России сей час сияет над святым и удивительном этим местом. На Чувашевом мысу.